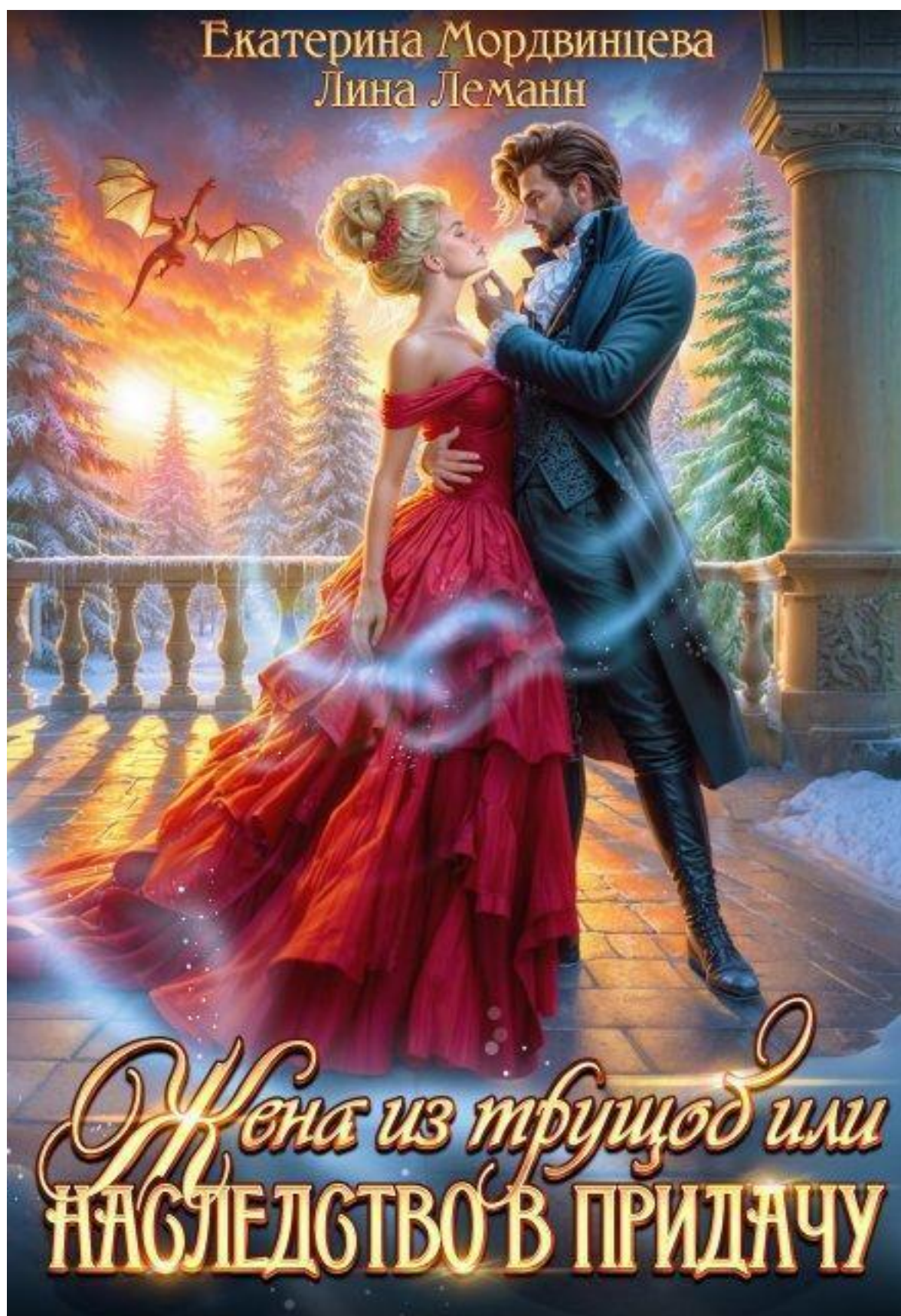

Екатерина Мордвинцева
Лина Леманн

Жена из тѣхъ
НАСЛЕДСТВО В ПРИДАЧУ

Екатерина Мордвинцева

**Жена из трущоб, или
Наследство в придачу**

«Литнет»

2025

Мордвинцева Е.

Жена из трущоб, или Наследство в придачу / Е. Мордвинцева —
«Литнет», 2025

Между браком по расчету или нищетой для моей семьи — я выбрала первое. Ну и что, что с мужем мы не любим друг друга. Главное, что теперь моя жизнь изменится к лучшему, по крайней мере, я на это надеюсь. Вот только все почему-то пошло не по плану. Вместо спокойной и сытой жизни теперь на меня сыпятся сплошные испытания: то окружающие требуют доказать правдивость наших чувств с мужем, то его враги строят козни против нас, а то и вовсе его бывшая на горизонте появилась. И нет! Я совсем не ревную! С чего бы это... Я не люблю тебя, дракон! Хотя... Всегда есть варианты...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Пролог

Из величественной церкви, с высокими шпилями и изящными, неповторимыми витражами, на которую я позволила себе с искренним удовольствием залюбоваться, выскочил великолепный, поистине красивый мужчина, злой, как тысяча гоблинов из самых страшных сказок, и, словно ветряная мельница, перегородил мне дорогу, отчего я едва не выронила свою аккуратную корзинку с яркими, свежими овощами, которые только что купила на небольшом рынке неподалеку.

— Вы что здесь делаете? — с легкой настороженностью спросил у меня, хватая за руку с неожиданной силой.

— Мимо прохожу, — немного растерялась я, вот и ляпнула первое, что пришло в голову, словно это была единственная возможная реакция в данной ситуации. Вот зря остановилась, дел ещё невпроворот, как будто занятая пчела в разгар сбора нектара. Ещё малышей забрать из садика, и повторно сбегать на рынок за мясом к своему наивкуснейшему супу, и непременно забежать к госпоже Гадсон, чтобы прибраться за её славной сворой, да сад прополоть — работы было хоть отбавляй!

— Замуж за меня пойдёте, — не спросил, а утвердительно заявил он, и, вдруг, начал тащить меня в глухую и таинственную церковь.

Я оказалась в замешательстве и с недоумением заупиралась. Только мужа мне в этом хаосе жизни ещё не хватало, будто его присутствие могло добавить ещё больше неразберихи в мой ежедневный круговорот забот.

— Не пойду! — фыркнула я, как будто меня спрашивали о чем-то совершенно неуместном и несоответствующем.

— Уже замужем? — меня окинули скептическим взглядом темно-зеленых, пронизательных глаз, похожих на непролазную лесную чащу, в которой можно заблудиться.

— Нет.

— Тогда что нам мешает просто расписаться?

— Например, мы не знакомы.

— Когда это и кому мешало? — искренне удивился мужчина, так и позабыв представиться. По богато сшитому, безупречно модному костюму, по случайным движениям, по гордому профилю с явными чертами аристократии... По всем этим микро-признакам я поняла, что передо мной действительно стоит представитель высшей аристократии, в лучах которых мы, простые смертные, не грели своих душ, а жарились на сковороде жизни. Столько всяких бесполезных и запутанных законов с их барского плеча было придумано, не счесть.

— Никуда я не пойду! — с решимостью отрезала я, словно мечом.

Тем временем мои потрепанные, но всё ещё не лишённые стиля туфли соприкоснулись с порогом величественной, намоленной церкви, и возмущенное моё состояние словно утонуло под бесконечно высокими сводами этого священного места. Пахло так сильно благовониями, что глаза слезились. Теперь понятно, почему даже сильные мира сего рыдают после церкви — здесь, даже если хотел бы сдержаться, не получится по определению.

— Вы уже пришли, — на мужественном, уверенном лице расцвела наглая улыбочка, которую мне от всей души захотелось оттереть абразивной губкой, ведь это было совершенно неуместно. Потому что эти пухлые губы, до ужаса привлекательные, обнажают игривые ямочки, и будь я наивной девушкой, влюбилась бы с первого взгляда и хранила бы верность до последнего своего вздоха.

Но я не такая. Меня зовут Сайфер Орлиз, и это имя, превосходящее все ожидания, никогда не было запачкано в случайных связях или иных порочащих репутацию происшествиях, которые могли бы подорвать мою моральную целостность.

— Послушайте, я готов дать вам денег за ваше искреннее согласие, — вкрадчиво и заманчиво прошептали эти губы. Идеальной формы, обрамленные трёхдневной чёрной щетиной, что придавали их владельцу особую мужественность. Поскольку мужчина был выше, мой взгляд невольно упирался именно в его губы, а суть его слов вылетала в трубу, как возмущения госпожи Гадсон, разрывающей тишину вдруг вспыхнувшей ярости. Однако на слове «деньги» пришлось срочно вслушаться в суть.

— Сколько? — спросила я чересчур громко, ещё сама от неожиданности испугалась.

В случайных связях я обнаружена не была, а вот для коммерческих предложений всегда открыта, если они не подразумевают интим и какую-либо преступную деятельность, которую я всегда отвергала. Фиктивный брак — это в нашем мире точно не представление, а скорее сделка. Вся верхушка сочетается договорными отношениями, и здесь деньги правят балом.

— Достаточно, чтобы ваша большая и шумная семья ни в чем не нуждалась, — с уверенностью произнёс он, как будто уже предвкушая своё триумфальное соглашение.

— Это хорошо, быстренько составим договор, и вы его подпишите магией, — согласилась я, немного успокоившись.

А сама в глубине души подумала: «Хорошо, что вы не в курсе, господин, что у меня целых десять братьев и сестёр, и это будет настоящим испытанием!»

Глава 1

Динэн Форстерс

— Ваше Сиятельство, я все прекрасно понимаю, но и вы, пожалуйста, поймите меня, — настойчиво произнёс распорядитель, с выражением глубокого уважения и некоторым, как бы это сказать, смущением на лице. — Я, увы, не в силах изменить завещание вашего покойного прадеда. Вы и сами, как никто другой, знаете, что у графа Мортера Форстерса был весьма специфический характер, который выделялся своей своеобразной сложностью и причудами, — замялся распорядитель, явно затрудняясь подобрать нужные слова.

— Скорее не специфический, а, мягко говоря, придурковатый, — сказал я недовольно, дернув плечами, и, не удержавшись, засунув руки в карманы своих брюк, подошел к окну, чтобы взглянуть на ту неподвижную, унылую картину за стеклом. — И почему, скажите на милость, именно я должен выполнять его волю, если это так уж тяжело и обременительно?

За стеклом завывал промозглый сырой ветер, с таким трудом теребя чёрные ветви голых деревьев, словно пытаясь создать хоть какую-то жизнь в этой жалкой картине. Грязный снег, смешанный с проглядывающей сквозь сугробы землей, добавлял общей атмосфере ещё больше уныния и серости. Глядя на эту печальную картину, и не скажешь, что на самом деле пришла весна, с её обещанием новых начинаний и обновления.

— Увы, господин Форстерс, но мне это совершенно неизвестно, к сожалению, — произнёс он, с сожалением качая головой. — Ваш прадед лишь назначил меня распорядителем его имущества до тех пор, пока его воля не будет исполнена, и я ничего не могу с этим поделать.

— А если я откажусь? — спросил я, надеясь на то, что мне удастся обойти причуду почившего родственничка, внутри у меня всё ещё теплилась надежда.

— Разумеется, вы в праве сделать это, — в голосе хитрого Фабиуса Морзайса проскользнули довольные нотки, а его глаза алчно блеснули, словно он предчувствовал удачу. — В этом случае все средства, которыми владел граф Форстерс, безусловно, перейдут в фонд «Сердца Хельвиуса».

— То есть вам? — хмыкнул я на его заявление, хотя прекрасно знал, кто на самом деле стоит за Морзайсом и от кого идут все эти финансовые потоки.

— Ну что вы, Ваше Сиятельство?! Я лишь скромный управляющий фонда, — с улыбкой на лице произнёс распорядитель, будто бы пытаясь скрыть свою истинную натуру. — Все блага пойдут непосредственно на благотворительность, — продолжал он, начиная заламывать руки, как будто это могло хоть как-то изменить положение вещей. — К тому же... — замялся он, явно собираясь сообщить нечто очень важное.

— Что ещё?! — рявкнул я так, что оконные стекла, казалось, звякнули от моего желания услышать правду.

— Есть ещё кое-что... — произнёс он, заставляя меня замереть в ожидании.

— Фабиус, мне клещами из вас каждое слово вытягивать? Говорите уже все, как есть, без всяких задержек!

— В случае, если условия не будут выполнены, вы лишаетесь и «глаза дракона», — произнёс он, явно понизив голос, чтобы добавить весомости своим словам.

— Это ещё почему? «Глаз дракона» — это семейная реликвия, которая безусловно есть в каждом роду драконов. её просто нельзя забрать, это нечто священное!

— Увы, можно, — якобы сочувственно добавил распорядитель, с абсолютно непроницаемым лицом. — А без нее, как вы прекрасно знаете, вы не сможете обрести истинной сущности. Без неё ваш дракон не проснется, а это, согласитесь, весьма печально.

— Сколько у меня времени? — деловым тоном уточнил я у Морзайса, потеряв от усталости переносицу, чувствуя, как груз ответственности давит на мои плечи.

Фабиус наигранно зашуршал бумагами в своей папке, явно пытаясь подчеркнуть, насколько это важно.

— У вас есть лишь месяц. Если до своего тридцатилетия вы не женитесь... — он не стал продолжать, оставив меня в ожидании.

Проводив распорядителя, я заперся в кабинете, пройдя через тот порог, за которым скрывались мысли о моём будущем. Я прекрасно понимал, что этот благотворительный фонд лишь прикрытие — за ним прятались реальные цели, а главный там совсем не Морзайс. Каэль Форстерс — мой «горячо любимый» дядюшка — вот кто на самом деле управляет «Сердцем Хельвиуса», и его цели, как мне казалось, вовсе не были благими.

Дядя всегда отличался своим тщеславием и жадностью, которые, казалось, никогда не оставляли его. Ради денег он когда-то предал собственную семью, отчего и был изгнан. Его сын и вовсе имел проблемы с законом. В подробности я не вникал, но слуги шептались, что Николас то ли ограбил кого-то, то ли убил, за что и попал в темницу, а затем и на каторгу. Мне не было дела до этого.

Однако, несмотря на все это, дядя всячески пытался вернуть было положение и доброе имя, а вместе с ними и немалое состояние. Буквально незадолго до смерти прадеда он явился к нему, пытаясь надавить на жалость, ровно так, как это делал всегда. И, видимо, это у него каким-то образом получилось. Не зря же почивший родственник в случае моей оплошности решил передать все состояние в фонд Каэля.

Это обстоятельство подстегивало ещё сильнее, как будто внутренний голос говорил мне, что я не мог просто так отдать наше фамильное состояние дяде. Нет, бедность меня не пугала. А вот доброе имя, которое непременно будут полоскать в грязи, заставляло пойти на любые меры, чтобы выполнить условия.

Плеснув себе в стакан янтарной жидкости, я сделал щедрый глоток, ощущая, как теплая волна проникает в каждую клеточку моего тела. Мысли постепенно выстраивались в логические ряды, как песчинки в песочных часах. И чего я вдруг запаниковал? Чего мне переживать? Женитьба так женитьба, подумал я. Да, я не собирался с этим торопиться, мечтая отложить на годик-другой. Но раз так складываются обстоятельства, чего тянуть?

У меня есть Элора Бейтервуд — достойная, умная и талантливая девушка, которая вполне сможет разделить со мной не только блага, но и все испытания и трудности, которые могут встретиться на нашем пути. Вместе мы уже два года, и эта связь была ещё очень крепкой. Элора, будучи деликатной и понимающей, не торопила меня, полностью осознавая, что для вступления в брак нужно все хорошенько взвесить.

Но, видимо, пришло время что-то менять. В виду случившегося, откладывать с предложением больше нет никакого смысла, ничего не отложить на потом.

Открыв потайной сейф, я с трепетом вытащил из него бархатную коробочку, в которой находилась ещё одна наша семейная реликвия — кольцо с алым сверкающим в лучах солнца камнем. Он напоминал своим цветом чешую дракона, и я был уверен, что оно обязательно понравится Элоре.

Покинув кабинет, я с уверенностью распорядился готовить карету, и в душе была какая-то надежда, что этот день станет началом чего-то нового и важного.

Поместье Бейтервуд, величественное и таинственное, утопало в серых, дремучих деревьях, которые возвышались вокруг особняка, пока ещё голыми и обнаженными стволами. Белые статуи, расставленные по всей территории, были настолько неуместны, что казались вырванными совершенно из другого места, из другого времени.

Слуга, который работал здесь, проводил меня в стеклянную оранжерею. Элора могла часами сидеть у зеленых, ярких и живописных растений, читая какую-нибудь книгу или же

вышивая с необыкновенной аккуратностью и вниманием к мелочам, что было характерно для неё.

— Динэн, — вспорхнула она с уютного кресла-качалки, как только увидела меня, словно я был для неё лучом света в этом затянутом серыми тучами дне. — Я не ждала тебя сегодня. Ты говорил, что у тебя много дел, которыми нужно срочно заняться.

— Это так, милая, — ответил я с легкой улыбкой, понимая всю степень неожиданности момента. — И одно из них как раз-таки можешь решить именно ты, как единственный человек, которому я доверяю.

— Вот как? — удивленно спросила она, сверкнув своими глазами, полными того самого недоумения и ожидания. — Но ты же знаешь, что я, к сожалению, несведущая в твоих заботах и проблемах.

— Давай, — предложил я, — присядем. Мне нужно с тобой кое-что важное обсудить, что не терпит отлагательств.

Элора напряглась, как струнка, присаживаясь на самый краешек, словно была готова вскочить в любой момент, не дожидаясь объяснения.

Вкратце рассказал ей суть произошедшего, ситуацию, которая перевернула весь мой мир.

— В виду этого, милая Элора, согласишься ты стать моей женой? — произнёс я, встав на одно колено, протянув девушке вытасченное из кармана кольцо. Оно блестело в свете оранжевых огней, словно любовное обещание.

— То есть, если бы не эти обстоятельства, ты бы не надумал делать мне предложение? — с недоумением и легким упреком в голосе спросила она.

Вместо ожидаемой радости в глазах моей избранницы сверкнуло негодование, что несколько удивило меня.

— Ну что ты?! — воскликнул я, пытаюсь объяснить. — Разумеется, я планировал наш брак, но не так поспешно. Просто это событие, как ни странно, действительно ускорило моё решение.

Бейтервуд мешкала с ответом, что только усиливало моё волнение.

— Мне нужно обдумать твоё предложение, — наконец произнесла она, и я заметно сник. Не такого ответа я ожидал.

— Хорошо, — сказал я, потер переносицу, так как начала подкатывать головная боль, словно сама природа решала подкинуть мне проблемы. — Но пойми, время не ждёт, у меня нет времени мешкать.

— Я понимаю, — с легким вздохом ответила она. — Давай мы обсудим это завтра, а пока мог бы ты оставить меня в покое?

Ее реакция удивляла все больше и больше. Неужели она действительно откажет? Это казалось совершенно невероятным.

Как ни в чем не бывало, она вновь разместилась в кресле-качалке и, взяв в руки пяльцы, продолжила вышивание, погружаясь в свой мир. Продолжать разговор было, увы, бессмысленно. Попрощавшись, я всё же покинул поместье.

Возвращаться домой не хотелось. Приказал извозчику завернуть в одну из кофеен неподалеку, чтобы немного отвлечься. Разместился у панорамного окна, наслаждаясь видом на дождливую улицу. Сделал заказ и, наблюдая за каплями дождя, заметил, как за стеклом начался мелкий промозглый дождик, растапливающий последние небольшие клочки грязного снега. Он навевал тоску и так казавшийся серый день.

Ароматный чай с облепихой и медом немного согрел изнутри, погружая в тяжелые раздумья. А что если ничего не получится? Моё поместье, как бы печально это ни звучало, на грани разорения, а кредитор уже вовсе требует вернуть долг, что я получил на восстановление семейного особняка, который не видел прежнего блеска. Я надеялся на наследство, как последний спасательный круг, но оно вот-вот выскользнет у меня из рук, как песок.

Я не боялся лишиться всего, но были обстоятельства куда важнее: я рискую потерять возможность обрести свою истинную сущность. Какой из меня дракон, если я даже обратиться не могу? Такие, как я, навсегда остаются изгоями в высшем обществе, как дядя, едва ли не хуже самого страшного кошмара.

Практически допил чай, когда со стороны подсобного помещения раздался звон посуды, а затем и громкая нецензурная ругань мужчины, который явно отчитывал нерадивую, уставшую от всего сотрудницу. Слушать ещё и их разборки сегодня не хотелось. Подозвав девушку-разносчицу, отдал ей несколько монет и, накинув на себя пальто, вышел под холодный моросящий дождь. Извозчик, все это время ждавший меня с чувством надежды, стеганул хорошенько кобылу, и карета тронулась, скрипя и швыряя мокрые брызги грязи в стороны.

Всю дорогу я корил своего почившего родственника: неужели нельзя было просто оставить завещание, не выдвигая никаких нелепых требований? Глупость какая-то! Мы и при его жизни должны были выполнять его взбалмошные требования, так ещё и теперь, когда он уж точно не мог на это повлиять...

Мортер Форстерс был, как многие считали, человеком с немалыми причудами и невероятными фантазиями. Ещё при жизни он умудрился разогнать всех родственников, собирая их вместе время от времени, чтобы сообщить о том, что собирается умирать и что у него есть важные новости. Увы, ждали мы этого события несколько десятков лет. Прадед пережил и своего сына, и даже внука. С каждой потерей близкого родственника Мортер Форстерс только начинал чудить ещё больше: то хотел оставить всё своё состояние своей сиделке, то надумал жениться на старости лет на юной провинциальной девице. Благо нам удалось быстро отвалить от родственника жадную до денег невесту. И вот настал мой черед...

Карета, наконец, въехала на территорию поместья, остановившись у самого крыльца, как будто избавляясь от бремени. Поежившись от недостатка тепла, быстро вошел в дом, радуясь, что слуга хорошенько растопил камин. Сухие поленья потрескивали, обнятые ярким пламенем, отдавая в комнату щедрую порцию тепла и света. Скинув мокрое пальто, я подошел ближе к огню, протянув к его задорным языкам озябшие и замерзшие руки, надеясь, что тепло сможет растопить и холод в моём сердце.

Озноб сразу, внезапно и неожиданно отпустил, позволив мне наконец-то расслабиться. По обыкновению, привычным образом скрестил ноги, присаживаясь на теплую и мягкую шкуру перед уютным камином, который мерцал и потрескивал.

— А ты не изменяешь своим привычкам, — проговорил знакомый и непривычный голос из дальнего угла затененной комнаты. Хоть там не хватало света, чтобы рассмотреть этого загадочного визитера, но мне это и не требовалось. Его я узнаю всегда и везде, в любом месте. — Сколько тебя знаю, ты всегда так делаешь, — противный смех пронесся по помещению, создавая гнетущую атмосферу.

— Какого черта ты здесь забыл? — подскочил на ноги и буквально ошетинился я, когда из полумрака вышел мой кузен, Николас Форстерс.

— Динэн, ты мог бы быть и поприветливее, хоть немного, — оскалился кузен, задействуя всё своё обаяние.

— Заметь, я тебя не приглашал, поэтому и не собираюсь расшаркиваться перед тобой. Кто вообще тебя сюда впустил?

— Мне не нужно приглашение, — важничал он с самодовольством. — Тем более, что поместье скоро и так станет моим, как только я стану его полноправным хозяином.

— Ни за что! Поместьем Форстерс никогда, слышишь, никогда не будет владеть преступник!

— Поосторожнее со словами, братец! — предостерег он с пренебрежением.

— Иначе что?

— Я ведь и могу не любезничать с тобой, — прорычал сквозь зубы кузен, наконец-то показав своё истинное лицо, полное агрессии.

— Замашки уголовника никуда не деваются? Удивляюсь, как тебе вообще удалось освободиться раньше положенного срока. Хотя, мне наплевать на это, — напоследок бросил я. — Я не желаю видеть тебя в этом доме ни сейчас, никогда бы то не было!

— Зря ты так, Динэн. Я ведь по-хорошему хотел. Выполнить условия прадеда тебе вряд ли удастся, а я бы мог смириться к тебе, дать работенку, небольшую подработку.

— Убирайся! — рявкнул так, что стекла в окнах звякнули от звука.

— Я-то уйду, но ненадолго. Совсем скоро я войду в этот дом в качестве хозяина. А тебе пора бы паковать свои вещички, — мерзко рассмеялся Николас, ухмыляясь.

— Вон отсюда!

— До скорой встречи, братец! — продолжил смеяться кузен, направляясь к двери, словно ничего не произошло.

Даже после ухода Николаса злость не желала утихать и постепенно разрасталась внутри. Не рассчитывал встретить его здесь. Стоит поспешить с женитьбой. Ни за что не допущу, чтобы состояния Мортера Форстера досталось этому кузену, этому наглецу.

— Райнер! — позвал я своего слугу, но тот явно меня не услышал. — Райнер! — повторил громче, но так и не добился успеха в своих попытках.

С улицы донеслось громкое ржание лошадей, резко прервав тишину. Поспешил выглянуть за дверь. Шум доносился с конюшни, а вскоре и вовсе одна из лошадей пронеслась мимо, как ветер. Грязные брызги разлетелись по сторонам, оставляя пятна на полу.

— Стой! Стой, зараза! — следом за ней появился конюх с недоумением.

Заметив меня, он приостановился и поклонился с явной нерешительностью.

— Что стряслось?

— Ваше Сиятельство, лошади сломали дверь и разбежались по территории, как будто все растеряли. Хорошо, что ворота были закрыты, как полагается. Всех, кроме этой, мы уже поймали.

— Сломали, говоришь? — с явным недоверием уточнил я, стараясь охладить волнения, всё ещё кипящие внутри.

Конюх лишь пожал плечами и продолжил свои неутомимые попытки поймать лошадь.

Почему-то не оставалось сомнений, что сломанная дверь конюшни — это дело рук Николаса. Именно благодаря этому он и попал незамеченным в дом. Надо предупредить слуг, чтобы впредь были начеку. С ним расслабляться нельзя, не следует. Неизвестно, что кузен выкинет в следующий раз, какой подлый ход замыслит.

Какое-то странное тревожное предчувствие поселилось глубоко внутри, не давая мне покоя и возможности сосредоточиться. Поднявшись на второй этаж, зашел в любимый кабинет. Всё же что-то напряженное настойчиво тревожило. На всякий случай решил проверить сейф, но тот был, как и прежде, надежно заперт.

Я уже направился в свою комнату, когда вдруг заметил, что дверь, ведущая на чердак, была неплотно закрыта, неестественно. Там, на крыше дома, хранился всякий хлам, такой как старая мебель и потрепанные вещи, оставшиеся с давних времен. Неужели кузен искал там что-то, искал драгоценное? Но что? Ценного там никогда не было, не могло. Я лично, будучи ещё подростком, не раз обследовал чердак, представляя себя великим исследователем и ловким кладоискателем. Но если Николас там был, значит что-то там всё же есть. И вот вопрос: нашел он это или нет? Надо бы ещё раз все внимательно осмотреть...

Дождавшись, когда лошадь будет поймана и когда Райнер вернется в дом, я привлек слугу к осмотру, к этому важному делу. Несколько долгих часов мы безуспешно копались в старье, в пыли и бесполезной старинной мебели, но, к сожалению, так ничего ценного или значимого не нашли.

— Хозяин, так что искать-то? — недоумевал Райнер, перетряхивая тряпье с завидным упорством.

— Если бы я сам знал, хотя бы приблизительно, — отбросив в сторону потертый кафтан, я взялся за следующий мешок с различными вещами, словно там могли бы оказаться ответы.

— Мы так ни один день на это потратим, — с легкой досадой вздохнул слуга, открыв дверцы покосившегося шкафа, висящие на одной едва держащейся петле, словно там прятались секреты.

Глава 2

Сайфер Орлиз

Устало размяла затекшую шею, вытирая руки старой ветошью. В последнее время чувствовала себя настоящей лошадей, которая работает без устали. Но деваться мне некуда.

— Ты закончила? — в подсобку загляну Галайя, раскрасневшаяся от долгого стояния над исполинскими чанами с едой. В них бы поместилось несколько меня.

Наверное, повариха в этом заведении была единственной, кто хоть как-то интересовался мной.

— Ещё немного осталось. Сейчас эти тарелки перемою и пойду домой, — кивнула на гору посуды рядом с мойкой, которая возвышалась неровными вершинами. Нет, это все таки не гора, а целая гряда, уныло подумалось мне.

— Нет, это уже никуда не годится! Браейс совсем тебя загонял, а платит гроши. Завтра же с ним поговорю о прибавке! — она зло хлестнула белым в пятнах полотенцем, всегда перекинутом через ляжку на её посеревшем от времени фартуке.

— Не надо, Галайя! Только хуже этим сделаешь. Ты же знаешь его, — взмолилась я.

— Да знаю... — вздохнула повариха. — Этот жлоб за лишний золотой удавиться готов.

Женщина цокнула языком и неодобрительно свела кустистые брови на переносице, размышляя над чем-то. Она сама работала в этом заведении с утра до ночи и, как я неоднократно замечала, бережно откладывала каждую копейку, которую ей просили передать в качестве чаевых.

— Вот именно! Ещё уволит, а мне работу терять нельзя, — я взялась за очередную тарелку. Сама себя посуда не вымотает.

— Эх... Жалко мне тебя. Молодая совсем, а прозябаешь в этой забегаловке, — Галайя по-матерински тепло улыбнулась. Она знала, что жалей не жалей, я все равно никуда отсюда не денусь.

— Так куда мне деваться? Ты же знаешь, как сейчас нелегко нашей семье.

— Все равно судьба не справедлива к тебе, — вздохнула с сочувствием Галайя.

Я была с ней полностью согласна.

Выросла я в приёмной семье, родных родителей даже не помню. Как рассказывала мне приёмная мама, меня нашли на улице грязную, голодную и практически умирающую от неизвестной болезни. Чтобы привести меня в порядок, приёмные родители выделили солидную сумму с трудом накопленных денег за несколько лет работы.

Не сказать, что у меня было счастливое детство. Так случилось, что до моего появления, других детей у родителей не было, лишь спустя десять лет мама смогла родить, причем сразу двойню, потом шли погодки как благословение свыше за доброе дело. И так восемь лет подряд.

А месяц назад трагически не стало моего приёмного отца. Так как я оказалась старшим ребенком, забота о семье легла на мои хрупкие плечи, потому что отвернуться я от них никак не могла. Если бы не они, я бы давно покоилась в земле.

Но я не жалуюсь — хоть так я могу отблагодарить их за то, что не оставили меня на улице. Да и вообще я всегда считаю, что за добро нужно возвращать добро сполна.

Из тяжких раздумий меня вновь вырвала Галайя. Взяв одну из тарелок, она ловко оттеснила меня в сторону выхода.

— Собирайся домой, а посуду я сама домою, — командно заявила женщина.

Я ухватила её за руку, уже щедро намазывающую жирный ковш из-под сливочного рагу с некрасивыми жёлтыми разводами. Так просто подобная грязь не сводилась. Надо было тща-

тельно отмывать её вонючей старыми носками жидкостью, от которой потом зудели и опухали руки.

— Не стоит! Я и сама справлюсь.

— Кто ж сомневается, что справишь? — усмехнулась повариха. — Только ты вон уже едва на ногах стоишь.

Мне стало перед ней стыдно. Она всегда слишком добра ко мне, а я ничем не могла ей помочь. Чувство долга так и кричало во мне отобрать посуду и самой с ней возиться, несмотря ни на какие последствия.

— Но и ты тоже устала за день, да и дома тебя ждут, — я попробовала оттеснить Галайю так же, как она меня, но повариха была низкорослой и сбитой, как пень. Она очень крепко стояла на ногах, а ещё больно хлопала своим полотенцем всех неугодных.

— Подождут ещё немного, — проворчала Галайя, вытирая руки о знаменитый кусок ткани. — А ты ступай и отдохни. Завтра опять весь день на ногах. Вайсара заболела, так хозяин распорядился, чтобы ты и в зал выходила.

— В зал? Так что ж мне об этом никто не сказал? — удивилась я. Уж лучше посуду мыть, чем в зале с подносами бегать да улыбаться тем, кто заинтересованно окидывает меня сальными взглядами и пытается облапать.

— Видимо, забыл. А может и не посчитал нужным предупредить заранее. Ему-то на нас все равно, главное, чтобы работали.

— Это точно. Спасибо, Галайя.

— Не благодари. Уверена, что, если и мне понадобится помощь, ты уж точно не откажешь. Ты ещё здесь? — повариха громко поставила чистую тарелку в сушилку и вытащила таки полотенце.

Всё же я не смогла стоять в стороне и принялась натирать мытую посуду. Повариха лишь осуждающе покачала головой. Как только с работой было покончено, мы вместе вышли из таверны и разошлись по домам.

На улице начинало смеркаться. Мелкий холодный дождик начинал заунывно накрапывать, навевая ещё большую тоску. Пронизывающий ветер пробирался под одежду, заставляя поежиться. Это вам не Южное королевство, где всегда солнце.

Подняв повыше ворот старенького пальтишка, ускорила шаг, стараясь как можно скорее добраться домой, где царил спасительно тепло. Вот только стоило мне свернуть на улице, где я жила, тут же заметила стоящую у изгороди карету.

Нехорошее предчувствие зашевелилось внутри, заставляя меня прибавить шаг. Сама не заметила, как уже через мгновение была у калитки. Гнедая холеная кобылка, запряженная в карету, нервно постукивала копытом о мокрую землю, отчего на него налипала грязь. Тряся головой, животное старалась убрать холодные капли с гривы. Извозчик, поправляя ворот старенького тулупчика, сидел на облучке, надвинув шапку на лицо едва ли не до подбородка, чтобы дождь не попадал ему в лицо.

В окнах дома горел свет. Дрожащей рукой дёрнула дверную ручку на себя, боясь услышать в очередной раз какие-нибудь дурные вести, которые не спешили покидать мой дом.

Мама стояла у камина, младшие сбились вокруг неё стайкой испуганных птишек. А на папином любимом кресле с рыжим выцветшим пледом восседал самый нежеланный гость этого дома, хоть и номинально являющийся его владельцем.

— Вот и дорогая Сайфер вернулась, — сладко пропел мистер Дариус Винчестер и протянул ко мне свои иссохшие морщинистые руки с выпирающими уродливыми родинками. Короткие кривые пальцы с опухшими суставами заканчивались длинными пожелтевшими ногтями, видимо, чтобы визуально сделать ладонь больше. На безымянном красовался массивный перстень с фамильным гербом.

Я спрятала собственные руки за спиной и придвинулась ближе к маме. Дома смешались ароматы пирогов и падали, которые истончал мистер Винчестер.

Заметив мой жест, он оскалил зеленовато-жёлтые зубы с зияющей чёрной дырой по центру в подобии улыбки, отчего самый младший, Дилан, тихо всхлипнул от ужаса. Мистер Винчестер поправил синий шейный платок из дорогого шелка, откашлялся и заскрежетал своим противным голосом:

— Я приехал выразить вам соболезнования по поводу утраты кормильца!

— Ага, спустя месяц, — буркнула Стефани, следующая после близнецов дочь семейства Орлиз.

— Тише, — шикнула мать, дернув Стеф за ухо.

Никто не слушал, о чем вещал мистер Винчестер. Высокопарных лживых речей мы наслушались на похоронах и после них. Дейвон Орлиз был хорошим кузнецом, брал недорого к неудовольствию маменьки, а потому был любим соседями и покупателями. Только после его смерти выяснилось, что любили его только за талант, нам же никто не помог ни копейкой.

— Несмотря на такую трагедию, я пришёл сообщить вам важные вещи. — Мистер Винчестер демонстративно выдержал паузу, заставив меня внутренне содрогнуться от потенциальных новостей. — Я пришёл за деньгами.

— В смысле? Отец заплатил за два месяца вперёд! — воскликнула я, выступая вперёд.

— Да, это так, — мистер Винчестер опустил подбородок на грудь в кивке. Хрустнули его старые позвонки. — Но время сейчас тревожное, мне приходится поднять плату за жилье, а потому у вас имеется задолженность.

Мама в ужасе прикрыла ладонью рот, я задержала дыхание. Некстати Скай, которому отроду было всего лишь восемь месяцев, жалобно захныкал.

— То есть вы не соболезнование приехали выразить, а за деньгами? — ощерилась я, заталкивая поглубже первобытный страх перед этим человеком.

Мужчина окинул меня заинтересованным взглядом. В его мутных зеленых глазах, в полумраке помещения, поскольку мы экономили на свечах, сложно было прочесть что-то определенное.

— Мисс Сайфер, отойдем? — мистер Винчестер приглашающе указал на ближайшую комнату, спальню родителей. Мама подтолкнула меня в спину, мол, иди. Мне категорически делать этого не хотелось.

— Почему мы не можем поговорить при свидетелях? — попробовала поупираться я. Ни здесь, ни тем более за стеной меня никто не защитит в случае чего, я это прекрасно понимала.

— Я не кусаюсь, — пообещал мистер Винчестер, хотя я ему не поверила.

Пришлось подчиниться, тем более мама грубо пихала меня под ребра.

Я пропустила гостя вперёд, к его неудовольствию, и остановилась на пороге, едва через него преступив. В холле громко плакал Скай, ему вторила Сэм, предшественница младшего. Что-то громко делили между собой близнецы. Нехотя мне пришлось закрыть дверь, прижавшись к ней спиной, как будто в присутствии мистера Винчестера на меня могли напасть не только спереди, но и сзади. Казалось, его давящая аура объемлет меня со всех сторон.

— Я вас слушаю, — собрав волю в кулак, заявила я.

— Я вынужден поднять стоимость на один золотой, — пригвоздил меня мистер Винчестер.

— Но... как? Мы уже платим два, это грабеж!

Мужчина поджал губы.

— Что поделать? Королевство готовится к проведению Мировых игр, которые наконец-то проведут у нас. Жилье везде дорожает. Я вынужден был поднять стоимость с того месяца. Не смог сказать вам раньше, вы должны были пережить траур.

— Вы лжете! — рявкнула я. Мне не хотелось переходить на грубости, да и новости в таверне я слышала, но поднять стоимость на полцены это дикость.

— Увы, я сам не рад такой перспективе. Сердце сжимается от мыслей, что придется вас выселить в случае неуплаты. Кто ещё даст крышу такой ораве? — мистер Винчестер приторно вздохнул. Мне хотелось его придушить.

— Когда мы можем оплатить долг? — сдержанно процедила я. Оставалось немного, чтобы накопить полную сумму за дом на месяц вперёд, а теперь выясняется, что мне нужно в два раза больше денег. С учетом того, что я не выходила из таверны ни на выходные, ни на праздники, вообще не представляю, где взять ещё золота.

— Даю вам неделю, мисс Сайфер. И поскольку я понимаю всю нестабильность жизни, я бы хотел, чтобы теперь вы платили на три месяца вперёд как гарантия, что дом в таком чудесном районе я сдаю порядочным людям.

Мне хотелось взвыть от отчаяния. Четырнадцать золотых! Это баснословная сумма. Ещё и за короткий срок. Не доверяет нам! Вот поганец. По-детски хотелось расплакаться.

— Не расстраивайтесь, мисс Сайфер, мы что-нибудь придумаем, — моей щеки коснулся сморщенная подушечка чужого пальца. Я едва не вскрикнула и отшатнулась бы, если бы не дверь. Мистер Винчестер говорил спокойно, как будто успокаивал взбесившуюся кобылку. Рефлекторно вскинула руку, заставляя мужчину убрать свою от моего лица. Хотелось натереться тем вонючим средством из таверны для отмыwania самых въевшихся пятен. — Мы могли бы договориться, — меня окинули сальным взглядом. — Вы молоды и красивы. В жены взять не могу, а вот покровительство над вашей семьей я взять в состоянии, если вы, конечно, согласитесь стать моей.

С трудом сдерживая подступающую к горлу тошноту, гордо вскинула подбородок, глядя старику прямо в глаза, полные самодовольства.

— Как вы смеете делать мне столь пошлые, гнусные предложения?! По-вашему, я похожа на распутную девицу, которая легко распахнет свои двери?

— Что-ты, милая, — мистер Винчестер расплылся в самодовольной улыбке и вновь потянул ко мне свои крючковатые, мерзкие пальцы, словно я была совершенно беззащитной. Я же демонстративно отвернула от него своё лицо, стараясь изо всех сил не дать слабину. Мужчина остановил свой порыв, его добродушие тут же испарилось, словно в воздухе повисло невидимое напряжение. — Я лишь хочу помочь, как добрый самарянин. Но ведь мы можем поговорить и по-другому. Вряд ли ты найдешь где-нибудь жилье дешевле, поверь мне. Да и эта сумма неподъемна для вашей бедной семейки, у которой и так куча проблем. Так что не упрямясь и соглашайся, милая.

— Ни за что! Я достану эти деньги и оплачу все без вашего покровительства и помощи!

— Ну-ну, — вновь оскалился старик, подмигивая мне с явным истерическим весельем. — Только учти, такие условия я предлагаю только сейчас, позже, когда ты сама приползешь ко мне, мы будем говорить абсолютно иначе. — Мистер Винчестер взял меня за плечи и, словно фарфоровую куклу, без особого уважения отодвинул в сторону, освобождая себе путь. — И не забудь, у тебя всего неделя, чтобы заплатить мне четырнадцать золотых. А я подожду, — причмокнул он сморщенными губами, покидая комнату, оставляя после себя аромат своего приторного парфюма.

Я медленно сползла по стене на пол, с трудом поднимая ноги, и закрыла лицо руками, сдерживая рвущиеся наружу горькие слезы. Ну что за напасть? Почему судьба так жестока к нам, ниспосылая одни только беды?! В голове творился полный хаос. Мысли о том, где достать деньги, роились беспокойно внутри меня, ещё больше нагнетая и без того тяжелую, мрачную атмосферу.

— Сайфер, что сказал мистер Винчестер? — в комнате показалась матушка, все так же держа на руках плачущего, беспокойного Ская.

На её лице отпечаталось глухое раздражение от того, что она никак не могла успокоить сына, который явно чувствовал её внутреннее напряжение. Оно и понятно: её тревожное состояние передавалось ему, как эхо.

— Лучше не знать об этом, — взглянув на младшего, я утерла влажное от слез, горестное лицо.

— Что значит не знать? Он дал нам отсрочку? Вошел в наше положение, предложив какую-то помощь?

— Какой там! Этот мерзкий старикашка, не только поднял аренду, он ещё и хочет оплату за три месяца вперёд! Видите ли, жильё дорожает, ему нужны гарантии, как настоящему деловому человеку.

— Как? Но у нас нет таких денег! — взволновалась матушка, прижимая к себе младшего сына ещё крепче, словно боялась потерять. — погоди, и это все? Почему он при нас этого не сказал? Говори! Он ведь ещё что-то сказал, ты не можешь это скрывать!

— Не важно, — поднялась я с пола, поправляя платье, стараясь привести себя в порядок.

— Важно! Ещё как важно, милая!

— Мама, не волнуйся. Я что-нибудь придумаю, чтобы достать деньги, обещаю.

— Что тут придумывать? — матушка окинула меня внимательным, настороженным взглядом. — Всё же ты что-то не договариваешь. А ну признавайся, хватит уже!

Мне было не по себе. Говорить о непристойном предложении мистера Винчестера совершенно не хотелось, и я внутренне испытывала себя неловко. Это казалось постыдным и унижительным, но настойчивость мамы вынудила меня рассказать ей все как есть, на голом, беззащитном языке истинной правды.

— И ты отказалась? — вместо поддержки, она напустилась на меня с упреками, полными недовольства. — А о нас ты подумала?

— Мама?! — я задохнулась от возмущения, пытаюсь осознать происходящее. Никогда не могла предположить, чтобы собственная мать была готова подложить под самого противного человека этого города, который был известен всем своим отвратительным характером.

— Это могло бы решить все наши проблемы, все! А теперь что? Куда нам идти, когда мистер Винчестер вышвырнет нас из дома, как блохастых собачонок, даже не обратив на нас внимания? — мамины глаза сверкают от гнева, лицо, которое никогда нельзя было назвать красивым, уродливо перекосило от ярости.

— Этого не будет! — возразила я, но она меня не слушала, продолжая витать в своём гнев.

— Эгоистка! Только о себе и думаешь! Неблагодарная!

Больше сдерживаться я не могла. Глотая горькие слезы, что ручьем текли из глаз, я рванула прочь из комнаты. Вслед мне ещё долго доносились укоры матери, её гневные упреки и плачь Ская, который не понимал всей тяжести ситуации.

Выскочив на улицу, остановилась на крыльце, подставив лицо под холодные капли дождя, пронизывающего меня до костей. Он немного охладил то пламя негодования, что полыхало в груди, огненно-жгучее. Но боль от непонимания и безысходности ему было совершенно не под силу заглушить. Меня буквально душило от переполнявших чувств, как будто каждый момент давил на меня. Хотелось уйти, но я не могла. Ещё немного постояв под холодными каплями, заставляющими покалывать кожу, я всё же вернулась в дом.

Матушка уже укладывала спать младшего, близнецы расправляли свои кровати, а Стефи читала книгу, сидя у окна, погруженная в свои мысли и, вероятно, мечты, остальные мирно играли на полу. Все казалось обычным, привычным, но то напряжение, что царил вокруг, не давало покоя ни мне, ни окружающим. Не желая вновь ругаться с матушкой, я прошла к себе и заперлась до самого утра, чтобы только никого не видеть и не слышать, просто уединиться. Сама не заметила, как заснула, погружаясь в мрачные сны.

Резкий стук в дверь заставил подскочить на кровати, вырывая из глубокого сна.

— Сайфер, открой! Сайфер! — мама колотила в дверь, отчего та содрогалась при каждом ударе и жалобно скрипела, словно страдая.

— Что случилось? — потирая заспанные глаза, отворила дверь, непонимающе глядя на маму. Позади неё малышня играла в войнушку, создавая шум и гам. Стефани без задней мысли катала тесто, погруженная в свои дела.

— Ты время видела? У тебя через пятнадцать минут рабочий день начинается, — гаркнула мама, переключив на себя внимание, которое так резко исчезло.

— Как? — спохватилась я, ринувшись к кровати, чтобы взять одежду.

— Я думала, что ты уже давно ушла.

На ходу натягивая на себя платье, в то же время пыталась расчесать длинные светлые волосы, чтобы хоть как-то привести себя в порядок. Надо бы их отрезать, а то жить мешают невыносимо.

— Только опаздывать мне сейчас не хватало! — буркнула я, выбегая из комнаты под мамино недовольное цоканье, которое уже тянулось вдоль всего дома.

Схватив с вешалки у входа свой старенький плащ, я дернула на себя входную дверь, готовясь к новому дню и его испытаниям. До работы бежать ровно тринадцать минут, если не останавливаться на передышку.

— Стой! А обуться? — остановила меня мама.

Мысленно стукнула себя рукой по голове за свою рассеянность.

Обувшись, выбежала на улицу. Сегодня дождь лил ещё сильнее, чем вечером. Подняв ворот повыше, бегом помчалась на работу, не разбирая дороги. Вода из холодных луж, куда я наступала, просачивалась через обувь. Мокрые ноги озябли, но я не обращала на них внимания. Не опоздать! Главное не опоздать!

Глава 3

Сайфер Орлиз

До работы дошла озябшая, продрогшая и проклиная всех извозчиков мира, которые в такую погоду гоняют как умалишенные и обливают прохожих. Хорошо, что на работе у меня лежит отдельная форма, чистенькая и сухая. Галайя ещё по доброте душевной нальет мне терпкого бодрящего чаю...

Дверь для сотрудников, покосившаяся от старости, опять не хотела открываться, только скрипела жалобно. Я потратила лишние три минуты, чтобы распахнуть её, и потому влетела на кухню, когда Галайя уже варила пшеничную кашу с салом.

— Привет, — махнув ей, убегая в подсобку.

— Сайфер, ты слышала, какой сегодня день? — басисто крикнула с кухни повариха. Я со скоростью света завязывала передник в расхлябанный бантик.

— Нет, а что? — я выглянула из подсобки.

— Сегодня праздник. Ба, а ты чего в форме посудомойки? Тебя ждёт работа в зале. Я тебе платье подготовила, висит рядом с твоей формой.

Настроение мгновенно слетело в пропасть, и я вяло поплелась переодеваться. С домашними проблемами я забыла, какая участь мне предстоит: целый день бегать между столами, как призрак от некромантов, и таскать тяжелые блюда с едой. Вот что примечательно в нашей таверне. Посуда у нас тяжелая, чтобы тарелка весомее казалась, вот такая, которой убить можно, она и не разобьется. Зато еды кладут туда полтора плевка. С моей точки зрения, мир заслужил, чтобы Галайяну еду попробовали как можно больше людей, потому что она готовит невероятно вкусно.

Привычное горячо любимое платье серой мышки пришлось сменить на вычурное подавальщицы. Кроме яркого зеленого цвета — ведь в маленькой таверне я иначе потеряюсь — меня особенно злит наличие жёсткого корсета времен прошлого века. Он заставляет держать спину так ровно, что её сводит уже через пару часов работы. У военных выправка хуже, чем у подавальщиц таверны «Сказочный хмель».

— Другое дело, — одобрительно хмыкает Галайя, увидев меня. Я себя тоже увидела, в зеркале, и чуть не подавилась слюной от ужаса. Из-за корсета, который завязывается спереди, моя небольшая грудь вот-вот выпадет из добротного декольте.

— Что это за ужас? Было же не так похабно!

— Это в честь праздника, новая форма, так Брайерс сказал. Мол, мы же не на окраине, а в других тавернах девчонки выглядят презентабельно. Что мы, хуже, что ли? Тем более скоро Мировые игры, нужно уже поднимать престиж заведения.

— А зарплату никто поднимать не хочет? — проворчала я и взяла круглый поднос со стола. Теперь мы с ним не расстанемся до глубокой ночи.

— Надеюсь, в честь праздника у тебя будут хорошие чаевые! — искренне пожелала Галайя.

Я взглянула в своё декольте. Скорее всего, причиной чаевых станет другое...

Первый час после открытия привлекал в нашу таверну только одну клиентуру: проснувшихся пьянчуг, которым нужно опохмелиться. К счастью, наша охрана таких внутрь не пускала. Не из-за вопросов безопасности, а просто потому что, у них элементарно закончились деньги после вечерней попойки. Так что первый час я натирала столы и тщетно искала булавку.

Зато потом понеслась.

Я почти смирилась с декольте, и даже вяло отгоняла крамольную мысль им пользоваться ради выручки, когда меня настиг праздник в виде его непосредственных участников. В таверну ввалилась толпа гномов.

— Выпить нам! — заголосил главный из них, в шапке-ушанке.

В нашей стране учредили праздник карликов, дабы поддержать меньшинства и показать всем, что мы очень лояльны ко всем расам. А всем известно, что гномы до ужаса скупы и бунят с раннего утра, если им дать выпить алкоголя.

В общем, через два часа я поругалась с главарем этой шайки, поскольку он попытался меня облапать по пьяни, за что была вызвана Брайерсом на ковер.

И вот я стояла, вся раскрасневшаяся и усталая, перед хозяином таверны. Да, плохо, зато подальше от несносных гномов.

Брайерс, в отличие от карликов, отличался огромным ростом. Кто-то говорил, что его мать орк, а отец великан. Или наоборот. Не важно. Его длинные худые ноги держали округлое бочкообразное тело и маленькую голову с зелеными глазками и носом-картошкой. А ещё, в отличие от клиентов, Брайерс нагло мог заглядывать в моё декольте.

— О! — радостно воскликнула я, запахнув посылнее расходящиеся куски ткани, и стремительно побежала к столу великана. Он даже опешил от такой наглости, а я, воспользовавшись моментом, схватила вожака булавку и ловко заколола ей декольте. Теперь я чувствовала себя непобедимой!

Брайерс поднялся с угрюмым выражением лица и, обойдя стол, поравнялся со мной. Я заметила на его мясистом носу и щеках сетку капилляров, как будто он беспробудно пил несколько дней.

— Я должен поговорить с тобой о твоём поведении, Сайфер. Ты опоздала на работу на три минуты и поцапалась с нашими много уважаемыми гостями.

Я скривилась. Мною гости уважаемы тогда, когда они ведут себя прилично.

— Хотят ночных бабочек, пусть идут в другое заведение, — парировала я.

— За такое тебе полагается штраф, Сайфер, — отчеканил Брайерс и удовлетворенно улыбнулся, заметив мою реакцию. А меня обдало лютотой стужей.

— Вы не можете! — пролепетала я, подрастеряв браваду. — Я работаю в этой таверне уже несколько лет, на меня никогда не было жалоб!

— Только ради твоей репутации, девочка, я предлагаю тебе выход. Не все могут меня задобрить, а вот тебе разрешаю. Ты же придумашь, как меня порадовать, моя дневная бабочка? — произнёс Брайерс и жадно прижал меня к себе длинной ручищей. Мой нос угроził удариться в плотное пузо, обтянутое зеленой рубахой.

Когда тебя прижимает существо в два раза крупнее, выход остается только один.

Я со всей скопившейся злостью зарядила Брайерсу между ног и бросилась вниз по лестнице. Осознание, что теперь у меня нет работы, как и денег, настигло только тогда, когда глухо стукнулась о стену дверь подсобки.

Таверна содрогнулась от великаньего рева, подобного человеческому, но я уже была на половине пути к искомой свободе и нищете, причем нищете не от хорошей жизни. Убежав на достаточное расстояние, подобно подбитой лани, что чуть ли не ускользает от своих преследователей, я только тогда разрешила себе остановиться. Легкие мои хотелось выплюнуть через рот, в бок кололо, как будто ножом прошлись.

А ещё я оказалась в совершенно неизвестном для себя, но очень заманчивом районе, богатом и красивом, как в сказках. В такие места простые смертные не заходят, чтобы не ослепнуть от роскоши и великолепия, царящих вокруг. Величественные белые особняки, словно древние замки, аккуратной шеренгой выстроились вдоль широкой улицы, по которой спокойно цокали лоснящиеся, как новенькие, лошади, до того ухоженные, что солнечные лучи отража-

лись от их шкур, как в зеркалах. Всадники и кучеры тоже наряжены, словно только что покинули светский раут, где щеголяли своими роскошными одеждами.

Здравый смысл, тот самый голос разума, говорил мне развернуться и больше никогда не заходить в подобные районы, но вот отчаяние, словно хитрый советчик, мигом предложило мне поискать работу именно здесь. Ведь у кого много денег, те много и платят, верно, или как-то так?

Пока я подводила нехитрые и предельно простые расчеты о том, как можно было бы выкрутиться из этой непростой ситуации, меня вдруг толкнули, отчего я едва не упала на дорожный камень.

— Извините, — без капли сожаления сказал мужчина. Я не видела, откуда он взялся, но вид у него был не менее холеный, чем у окружающих лошадей, и даже больше. Только вот лицо, красивое, как у божества, даже грешно иметь такое в наше время, иначе женщины штабелями будут падать у его ног, словно от неожиданного обморока.

— Что вы, — пробормотала я, смущенная тем, что встретила с ним глазами, как будто это был какой-то зловещий знак.

— Вы сейчас свободны? — спросил он, окинув заинтересованным и проницательным взглядом меня.

Платье! Я же так и щеголяю в этом непотребстве, совсем забыв о нем от переживаний и падения. А булавка раскололась, отчего декольте демонстрировало все, что видеть предназначается мужу, а не посторонним прохожим.

Дрожащими руками, сильно взволнованная, я сжала полы декольте, больно уколотившись булавкой, и попятилась назад. Мужчина, казалось, принял это как игру и последовал за мной чуть ли не с азартом. Он выглядел хищно, но не как тигр и лев, а как акула, которая внезапно накинулся и сожрала.

— Не бойтесь, дорогая, я вам заплачу. Мне как раз нужно расслабиться, — проворковал он, делая шаг ко мне, как будто подзывать к себе вечернюю звезду.

Я глазам не поверила, когда над ним мелькнул... ажурный розовый зонтик-трость, словно камень в море, и приземлился аккуратно на мужскую голову с прямым ударом.

— Это что за непотребство здесь твориться?! — завизжала женщина, словно злая собачонка. Мужчина резко обернулся, а я, пользуясь заминкой и предоставленной возможностью, ловко застегнула булавку.

— На такой уважаемой улице! Николас, как вам не стыдно?!

Николасу, похоже, стыдно не было, он лишь раздраженно скривился, как будто кто-то отнял у него желаемое.

— Отстаньте, миссис Гадсон, — рявкнул он, за что ещё раз получил зонтиком, на этот раз по плечу, как по голове строгой учительницей.

— Поуважительнее со старшими, молодой человек! — рявкнула старушка, которую я наконец-то увидела за широкой мужской фигурой. Приземистая бабулька в неоновом-фиолетовом платье с многочисленными, что и говори, оборками сурово взидала на нас из-под широкополой круглой шляпки с ужасно-огромным красным пером, которое значительно увеличивало её выразительность. Её лицо сложно назвать красивым: оно словно стекало вниз, сконцентрировавшись во втором подбородке, как у индюшки, готовой к празднику.

Николас послал старушку очень забористо и, оттормаживая экипажи и всадников, перебежал на ту сторону улицы, как будто убегал от неприятностей. Женщина, шокированная таким поведением, прижала руку с зонтиком к сердцу, как будто там было её последнее пристанище.

— Вам плохо? — тут же спохватилась я, подбегая к ней с не меньшим волнением.

— Конечно плохо, когда разврат посреди культурного населения. А ты тоже хороша, развращаешь мужчин таким странным и провокационным видом. Кто научил тебя так носить

корсет? Да ещё и наружу?! Боги вездесущие! Это никуда не годится и не может просто так продолжаться!

— Я как раз уволилась из-за трудной ситуации.

Старушка замолчала, а потом её сухие губы растеклись в искреннюю улыбку, озаряющую всю её суровость.

— И правильно сделала, дорогая! Теперь же вы наверняка в поисках работы! Мой муж, почивший в том году, всегда учил меня не презирать заблудших душ этого мира и всячески способствовать их переходу в смерть без ужасных дел в довеске. Я никак не могла достичь желаемого просветления раньше, но теперь поняла: вы та, кого я должна спасти от самого себя! Не ищите больше срамной работы, вы теперь будете работать на меня — и только на меня!

Меня схватили за руку и потащили вперёд по этой великолепной улице. Сперва я сомневалась, но потом решила, что чем быстрее я найду работу, тем лучше, даже если это будет временное решение моих текущих проблем.

Миссис Гадсон подвела меня к довольно скромному по меркам этой улицы особняку, такому же белому, как и другие его побратимы. Минимум декора, строгие формы кустарников, выполненные идеально: чувствовалась не только эстетика, но и железная рука правления.

Как только мы зашли на территорию особняка, я сразу поняла, что кто бы ни правил в этой стране и в нашем сложном мире, здесь власть только одна и она в лице милой старушки с индюшачьим подбородком. Садовник вытянулся по стойке смирно, словно солдат, дворецкий любезно принял надменно брошенный зонт, и никто даже взгляда в мою сторону не бросил: пол для них был интереснее, чем я.

Все было хорошо в этой идиллии, кроме стойкого запаха кошек, от которого у меня немедленно заслезилась глаза, как будто в них попала пыльца. А когда гурьба белых монстров выбежала навстречу хозяйке, я расчихалась на пять минут непрерывно. Н-да, долго так работать я не смогу при всем желании, но что поделать?

— Как тебе мои хоречки? — умильным голосом поинтересовалась миссис Гадсон, когда белое пушистое море окутало нас мягкой периной. Особо наглые создания залезли по её дорожному платью из нежнейшей тюли прямо к шее и обвилились вокруг нее, как воротник.

Один из всех попробовал проделать то же самое, но я, видя, как острые когти впиваются в платье, пусть уже не мое, с ужасом стряхнула хорька в общее наводнение.

— Вы чудесно проведете время, пока я буду гулять, — проворковала старушка, целуя одного из зверей в темечко.

Я хотела ответить, но зачихала. Миссис Гадсон любезно подождала моего ответа, пока пройдет приступ. Как будто не впервой.

— Обсудим оплату, — прохрипела я. Только очень большие деньги заставят меня вернуться сюда.

— Два золотых в месяц.

— До свидания! — обиделась я. Уже хотела было развернуться, потому что слёзы аллергии застилали глаза.

— За час работы в день, пока я гуляю. Чтобы малыши не скучали! — страстно предложила старушка.

— Я пришлю кого-нибудь с ответом завтра, извините, — пробормотала я и сбежала на свежий воздух, чуть не задохнувшись от счастья.

Экипаж взять я не могла, поэтому путь до дома, весьма далекий, мне пришлось пройти пешком. То и дело соскальзывал корсет, то и дело расстегивалась булавка. Мне до оскомины хотелось сжечь это платье, но одежды у меня крайне мало, плюс одно из них осталось у Брайрса. Зная его буйный нрав, не удивлюсь, если он сожжет платье от гнева. С него станется. Хотя тлела во мне надежда обменять это тканное безобразие на свою безликую одежду.

За время променада я успела прикинуть варианты. Если найти работу где-то неподалеку от богатого квартала, каждый день наведываться к миссис Гадсон не слишком обременительно. На два золотых в месяц можно купить простеньких продуктов на целых две недели!

Но что делать с аллергией!

Лекаря позволить себе мы не могли, это слишком дорого. Поэтому я, как и мама, прекрасно разбиралась в детских болезнях, умела штопать и принимать роды. Последнее доводилось сделать только два раза, когда мама не успевала послать за повитухой, которая, к счастью, приходила бесплатно. Наше государство очень благословляло появление новых людей, а вот о становлении их ни капли не беспокоилось.

Чем ближе подходила к дому, тем совестнее становилось. Сегодня я не принесла домой ни копейки, более того, явилась сильно раньше. Уверена, что смогу выпытать прощение простеньким ужином из нехитрых продуктов, которые населяли нашу кухню, где мясо было редким гостем.

— Мам, я дома! — несмело заявила, приоткрыв дверь.

— Тише, я малышей укладываю! — шикнула из-за софы Стефани.

Я удивленно подошла к сестре. На софе, закутанные прохудшимся одеялком, одним на всех, спали погодки Серж и Стив, рядом, засунув кулачок в рот, сопел Скай. Я остановилась, заглянув в очаровательное лицо мальчика. Он был очень похож на отца, которого я безмерно уважала.

— А мама где? — шепотом спросила у сестры. Та кивнула на дверь.

— В спальне. С утра ей нездоровится.

Я снова поразилась, какой взрослой выглядит сестренка, заботясь о младших. Тем более Стефани часто помогала мне и маме по дому, даже готовить умела. Ещё она зарекалась пойти работать и обучить Сабрину всему, но пока, к счастью, справлялись без таких крайних мер. Было бы отлично, если бы близнецы больше прикладывали руки к хозяйству, только у меня не хватает на них энергии, а мама давно махнула рукой на их воспитание.

Остальные четверо сидели в детской и меланхолично её уничтожали. Хоть Сабрина, следующая после Стефани, и делала вид, что следит за порядком, сама же она увлеченно выводила каракули на бесплатной ежедневной газете.

— Малыш, что делаешь? — поцеловав её в лоб, спросила у сестры.

— Я готовлюсь поступать в школу! — заявила девочка и показала свои труды. Посмотрев под другим углом, я заметила, что каракули пытались повторить очертания печатного текста. Мне стало больно внутри, хоть и пришлось через силу ободряюще улыбнуться.

Мама нашлась в спальне. Она тоже спала с накрытыми старой тряпкой глазами. Опять страдала от мигрени. Раньше приступы были редкими, а теперь случаются намного чаще. Я заметила рядом пустой флакончик с лекарством, которого, как я надеялась, хватит на месяц. Видимо, мигрень посещала маму намного чаще, чем я думала.

Поменяв тряпку на холодную, принялась готовить еду. В нашей семье это приходится делать через день.

Во входную дверь твёрдо постучали. Я встрепенулась, чтобы поскорее открыть, дабы никто не проснулся.

За порогом, шурясь от внезапно выглянувшего солнца, стояли два полисмена. Один из них за ухо держал Саймона. Несмотря на отпечаток боли, лицо брата пылало от сдерживаемой ярости и презрения.

— Что происходит? — оторопело произнесла я, в ужасе переводя взгляд с одного сурового некрасивого лица на второе, более молодое, но отталкивающе холодное.

— Вы мать этого парня? — рявкнул первый, более суровый. Чувствовалось, что он старший по званию.

— Его сестра. Что случилось?

— Ваш брат пойман на рынке за воровством, — меланхолично отозвался второй.

— Это правда? — строго спросила у Саймона, хотя внутри взрывались шок, удивление и страх. Воришек у нас наказывали жестоко.

Саймон ничего не ответил, только дернулся. Сердце замерло, боясь предположить, где Сайлас и принимал ли он в этом участие.

— Правда-правда, — ответил второй полицейский. — Я сам все видел. А посему мальцу повезло, что он несовершеннолетний, иначе упекли бы в клетку и на суд. Позовите ваших родителей, чтобы мы выписали штраф. Два таких предупреждения, и наказание постигнет старшего в семье.

— Я уже совершеннолетняя. Моя мать плохо себя чувствует, а отца у нас нет, — стараясь не дрожать, отозвалась я.

Суровый полисмен прищурился и потер подбородок.

— Ваше имя, — рявкнул он, достав из нагрудного кармана лист и перо.

— Сайфер Орлиз.

— Хорошо, Сайфер Орлиз. Вот вам штраф в размере десять золотых, которые вы должны оплатить до конца недели. В противном случае вы или ваша мать понесёте публичное наказание. Ваш дом я запомнил. Не рекомендую сбегать. У нас отличная поисковая служба, и мы вас из-под земли достанем.

Глава 4

Тем временем в доме Каэля Форстера...

— Господин Форстерс, я старательно и с максимальным усердием сделал все, как вы велели, — лебезил перед Каэлем распорядитель в своей привычной манере. — Я абсолютно и без тени сомнения уверен, что ваш племянник ни при каких обстоятельствах не успеет ничего сделать в этом деле.

— В наше время, в эпоху неопределенности и нестабильности, нельзя быть ни в чем уверенным на сто процентов, тем более, когда речь идёт о таких значительных и крупных суммах. Нужно все держать под тщательным контролем и вниманием. Я слышал, что у Динэна роман с Элорой Бейтервуд. Что, если она, в самый неподходящий момент, согласится на поспешный брак с ним?

— Не стоит беспокоиться, — все так же слащаво, как будто в этом была его профессиональная обязанность, пропел Морзайс, стараясь унять напряжение. — Мисс Бейтервуд не из тех барышень, кто согласится на брак с нищим, пусть даже и с таким обольстительным, как ваш племянник. А на сегодняшний момент ваш племянник уже признан банкротом.

— Но кто ему мешает рассказать о своих истинных намерениях? — недовольно бросил Каэль, явно недолюбливающий столь самоуверенного племянника.

— Он не из тех, кто, увы, будет признавать столь постыдный для себя факт, чтобы не подвергать себя позору. Брак из-за денег ниже его достоинства, — ответил распорядитель, пытаясь аргументировать свою позицию.

— Всё же я предпочитаю все проконтролировать и тщательно организовать.

— Вы что-то придумали, господин Форстерс? — глаза распорядителя, как будто полные жадности и надежды, алчно блеснули, ведь он надеялся, что и ему перепадет приличный куш от наследия графа Мортера Форстера.

— Не суй свой нос куда не надо! Твоё дело — управление фондом, — жёстко произнёс Каэль, — а решения здесь принимаю я. Ты лишь исполнитель, и не забывай об этом! — повысил голос Каэль, ставя на место чересчур любопытного Фабиуса.

Морзайс с трудом сдержал рвущееся наружу недовольство, прекрасно понимая, что при желании хозяин раздавит его как мелкую букашку, оставив от Фабиуса лишь мокрое место.

Входная дверь с грохотом ударилась об косяк, и в комнате тут же появился сын хозяина, словно буря, готовая разразиться в любой момент.

— Где ты шлялся, Николас? — отрывисто и грубо спросил Каэль, мгновенно накидываясь на него.

— Тебе-то какое дело? — не менее резко ответил тот отцу, вызвав целую бурю его негодования. — Я уже давно не ребенок, чтобы отчитываться перед тобой за каждый шаг и поступок.

— Пока ты живешь в моём доме, будешь отчитываться! Иначе можешь убираться отсюда вон! — он, казалось, пронзил сына своим суровым взглядом.

От накала эмоций Морзайс сжался, буквально втянув голову в плечи. От этого он, казалось, даже уменьшился в росте, как будто становился невидимым на фоне накалившейся обстановки.

— Это и мой дом тоже, — хмыкнул Николас, проходя на кухню, где целый океан недовольства уже разрастался.

Отец, не намереваясь сдаваться, направился вслед за ним. На ходу бросив Фабиусу:

— Свободен! Увидимся завтра в фонде, — он хотел завершить этот разговор.

Распорядитель попятился к двери, в то время как на кухне нарастал скандал, как ураган, готовый обрушиться.

— Я не для того тебя вытащил раньше окончания срока, чтобы ты в очередной раз нашел повод угодить за решетку, — с яростью вскрикнул Каэль, не унимаясь.

— Я сам разберусь, что мне делать. Не лезь в мои дела и не будь таким навязчивым! — внезапно, словно огонь, ответил Николас, чувствуя давление родительской строгости.

— Где ты был? — не унимался Каэль, словно этот вопрос был единственным, что его волновало. — Только не говори, что ходил в дом Динэна.

— Даже если так, то что? — с поджатым настроением угрюмо ответил Николас, его уверенность начала постепенно отступать.

— Не смей там появляться! — рявкнул отец, его голос напоминал гром среди ясного неба. — Я запрещаю тебе!

— Я и так долго ждал, пока был в заключении. Динэн многое мне задолжал. Пока я терпел лишения, он жил, ни в чем себе не отказывая, как король на троне. Теперь и наследство старика плывет ему в руки, как река. Я не позволю ему завладеть ещё и «Глазом дракона», эта ситуация должна измениться.

— Что?! — взревел Каэль, теряя терпение. — Так ты решил выкрасть артефакт? Где он, черт побери?!

— Не знаю, — недовольно буркнул Николас, его уверенность начала немного шататься. — Я не успел его найти. Но ничего, я вернусь туда ещё раз.

— Нет! — отрезал отец, его голос стал неожиданно твердым. — Скоро камень и так будет у нас, — наконец он сбавил тон и расплылся в довольной улыбке, словно план уже сработал.

— О чем ты, отец? — спросил Николас с явным недоумением.

— Я же говорил тебе сидеть тихо и не высовываться. Дождался бы спокойно и все бы узнал. А теперь собирайся. Мы едем в поместье Бейтервуд.

— Что я забыл у этих заносчивых снобов, на что мне туда ехать? — с явной досадой произнёс молодой мужчина, осознавая, что все складывается не в его пользу.

— Жениться будешь! — ухмыльнулся Каэль, выходя с кухни и не обращая внимания на протест сына.

— Ты не понимаешь, — накинулся он на отца, — я не готов играть в твою игру. У меня есть свои планы.

— Какие планы? — Каэль остановился на месте, одна бровь поднята с осуждением. — Ты ведь уже успел нажить себе проблемы. Хочешь снова оказаться в тюрьме?

Николас помотал головой и скрестил руки на груди. Его злость переросла в чувство безысходности. Внутри боролись две противоречащие силы — жажда к свободе и осознание, что он не может уйти от своего отца. Всё-таки именно Каэль Форстерс в данный момент был для сына единственным источником дохода. Работать Николас не привык, а вот красиво жить... Именно это и играло против него. Отец четко знал, как надавить на сына.

— У Элоры есть наследство. Она может стать твоей путеводной звездой, — произнёс Каэль, приободряя своего нерадивого отпрыска. — Умей использовать то, что подносит тебе судьба, — поучительно добавил он.

На мгновение в глазах Николаса мелькнуло понимание. Элора Бейтервуд хоть и считалась высокомерной и избалованной, но могла бы стать ключом к силам, которыми он не владел — деньгам, влиянию, власти, а главное, положению в обществе.

— Я должен с ней поговорить? — нехотя пробормотал Николас, словно всячески пытаясь оттянуть неизбежное.

— Было бы неплохо. Однако помни: она должна выбрать тебя не только из-за наследства. Нужно завоевать её сердце, — подметил Каэль, подмигивая сыну. — Тем более, что её самолюбие известно всем. Постарайся найти к ней подход.

— Да уж, не знаю, как это сделать. Она — настоящая жемчужина для всех тех, кто только и мечтает о богатстве.

— Вот именно, — усмехнулся отец. — Есть у меня кое-что, что может заинтересовать Элору, а остальное будет зависеть только от тебя. Ради денег можно идти на все, даже на компромиссы с совестью.

— Что ж такого у тебя есть?

— Всему своё время, — усмехнулся его отец.

— Хорошо, — наконец сдался Николас. — Я попробую. Но ты должен понять: если я решу, что это мне не подходит, я не сдержу себя.

— Ты всегда был упрямым, сынок. Но помни, как говорит старая мудрость: «Кто ищет — тот найдет». А ты непременно найдешь свои пути к богатству и власти, — с удовлетворением произнёс Каэль, уводя сына наружу.

Карета уже стояла у крыльца, терпеливо ожидая своих пассажиров. Возничий быстро доставил Каэля и Николаса по нужному адресу, а сам остался ждать у ворот, чтобы быть наготове.

В поместье Бейтервуд, мрачном и внушительном здании, семейство Форстерсов вовсе не ждали. В этом можно было даже не сомневаться. Пришлось, к их огромному сожалению, едва ли не пинками стучать по воротам, чтобы слуги, которых нигде не было видно, их наконец-таки услышали.

— А ну живо сообщи Его Светлости, что к нему с визитом прибыл Каэль Форстерс с сыном, — с недовольным видом произнёс Каэль, когда человек с метлой в руках показался на крыльце. Подметая каменную дорожку, он неспешно, шаг за шагом, приближался к визитерам, словно хмурый охранник. — Кому говорят, живет!

— Хозяин сегодня не принимает, — с явным пренебрежением отрезал слуга, не желая подчиняться жёсткому приказу Каэля. — Ступайте с миром, — и не думал хотя бы немного задумываться о том, кто стоит перед ним. — В другое время придёте, возможно, повезет больше.

— Да как ты смеешь так с уважаемыми господами говорить?! Делай что велено! — Форстерс не мог сдержать своего возмущения, совершенно искреннего и горячего.

— Вот я и делаю, — меланхолично ответил слуга, продолжая неумолимо мести, опять же без особого интереса к тем, кто стоял за оградой их поместья. Казалось, ему абсолютно не было дела до тех, кто пришёл к ним в гости. — А вы, Ваша Светлость, не шумите так, не создавайте лишнего беспокойства.

Каэль закипал от злости, её ярость достигала предела. За последнее время он часто стал кивался с таким грубым и вызывающим отношением: он и его сын сейчас оказались в роли изгоев для высшего общества, и это его глубоко ранило и оскорбляло. Мало кто желал иметь с ними дело, и это было очевидно. Но мириться с таким положением дел он не желал, всеми силами стараясь вернуть себе и своему сыну было величие.

— Сюда иди, — сбавив тон, произнёс Каэль и сунул руку за пазуху, действие его было полным решительности. — Отнеси это хозяину, и пусть он знает, что мы здесь.

Слуга помялся, явно колебался, но в конце концов всё же принял от Форстерса запечатанный конверт, повертел его в руке, на мгновение задержав взгляда, затем перехватил поудобнее метлу и, словно в задумчивом состоянии, медленно заковылял к дому, скрываясь глубоко внутри. Не было его достаточно долго, и это ожидание тянулось словно вечность. Все это время Каэль и Николас недовольно переминались у ворот с ноги на ногу, ощущая нарастающее возбуждение.

— Что ты ему дал? — любопытство, как коварный змей, гложило Николаса, не давая покоя.

— Тебе лучше не знать. Да и вообще не лезть в мои дела — слишком уж высока цена этих знаний, — загадочно произнёс Каэль, и тут же, словно по волшебству, оживился, заметив, наконец, появившегося слугу.

— Господин Бейтервуд ожидает вас. Ступайте за мной, — отворив настежь ворота, слуга впустил Форстерсов на территорию поместья.

Альберт Бейтервуд вальяжно сидел в кресле-качалке около окна и потягивал трубку, однако эта легкость скрывала за собой раздражение. Наконец слуга отворил дверь, впуская в гостиную непрошенных гостей.

Хозяин поместья даже не удостоил визитеров мимолетного взгляда.

— Господин Бейтервуд, приветствую вас, — начал было старший Форстерс, но Альберт резко поднял ладонь вверх, пресекая его речь.

— Без предисловий! Как ты посмел явиться ко мне с этим? — мужчина отложил трубку на небольшой столик рядом и потряс в воздухе переданным ему конвертом. — Где ты это взял? — прогремел его голос, заставив Николаса дрогнуть. Каэль же напротив вытянулся и вскинул голову.

— Я не раскрываю своих источников, — оскалился Форстерс самодовольно.

— Источников?! — Альберт наконец поднялся и резко развернулся к непрошеным гостям, прожигая их взглядом. — Что тебе надо, мерзавец? — прорычал он, приближаясь к Каэлю.

Николас предусмотрительно отступил на шаг назад от отца, словно надеясь поскорее покинуть поместье.

— Мы пришли с миром, — как ни в чем не бывало, продолжил старший Форстерс. — Как вы понимаете, — спокойно произнёс он, — если бы я хотел обнародовать полученную информацию, то давно бы уже сделал это. И, поверьте, служители порядка давно пришли бы за вами.

— Не надо мне угрожать! — предупредил Альберт.

— Ни в коем случае. Напротив, я хочу, чтобы ваша, — Каэль наигранно замялся, словно искал подходящие слова, — маленькая тайна осталась исключительно в рамках семьи. поэтому мы с моим сыном сегодня здесь.

— К чему ты клонишь? Говори живее! — поторопил его Бейтервуд.

— Все просто, — старший Форстерс развел руки в стороны. — Если наши дети соединятся узами брака, то и мне не будет выгоды обнародовать эту информацию.

— Что?! Ты совсем из ума выжил? Чтобы я, Альберт Бейтервуд породнился с изгоем общества? — На этих словах Каэль скрипнул зубами от недовольства, не сумев скрыть негодования. — Не бывать этому! — хозяин поместья рявкнул так, что едва ли не содрогнулись стены.

— Увы, но при таком раскладе я не могу гарантировать, что содержимое конверта не станет известно широкой общественности, — Каэль пожал плечами. словно это зависело не от него и, вальяжно зашагал к двери. — Идем, Николас.

Бейтервуд был в неопикуемой ярости. Глаза едва ли не налились кровью, а руки так и чесались свернуть шею нахалу, посмевавшему диктовать ему подобные условия. Однако, информация и правда была серьезной. За такое Альберт мог поплатиться не только своим состоянием, но и жизнью.

— Постой! — с трудом сдерживая рвущиеся наружу ругательства, процедил он сквозь зубы. — Я обдумываю твоё предложение и завтра дам ответ.

— Нет! — отрезал старший Форстерс. — Сегодня и только сегодня. Либо они обвенчаются этим же вечером, либо наутро все газеты будут пестреть информацией об махинациях и бесчинстве графа Бейтервуда.

— Я должен поговорить с дочерью.

— Мы подождем, — довольно улыбнулся Каэль. — Говорят, в вашем поместье прекрасный сад. Если вы не возражаете, мы прогуляемся по нему.

Не дожидаясь ответа, Форстеры вышли за порог, оставив за собой настежь распахнутую дверь. Тут же появился слуга, словно караулил неподалеку, запер дверь и несмело подошел к хозяину.

— Прикажете прогнать их? — осторожно поинтересовался он.

— Нет. Позови-ка лучше Элору. Живо!

Слуга поклонился и едва ли не бегом пошёл за молодой хозяйкой.

— Что за срочность?! — возмущалась девушка, спускаясь по ступеням. — Я даже прическу доделать не успела.

— Элора, присядь, — строго скомандовал отец. — Есть серьезный разговор.

— Ты меня пугаешь, — хохотнула девушка, с опаской глядя на родителя. — Надеюсь, ничего плохого не случилось?

— Ты выходишь замуж, — постановил граф.

— Фух... — с легкостью вздохнула Элора. — я уж и правда подумала, что стряслась беда. Но как ты узнал, что мне сделали предложение?

— Что? Он уже и к тебе подходил? Когда?

— Вчера, папенька. Граф Форстерс сделал мне предложение. Я, конечно, сказала, что подумаю.

— Вот же мерзавец! Элора, прости, не такой судьбы я для тебя хотел. Николас Форстерс явно не пара тебе, но...

— Причем здесь Николас Форстерс?! — вновь рассмеялась девушка. — Я ведь не за него замуж пойду. Папенька, я уверяю вас, что Динэн не имеет ничего общего с его кузеном-уголовником. Мой избранник самый честный и порядочный человек на свете.

— Динэн сделал тебе предложение? — удивился Альберт.

— Да... — растерянно пролепетала Элора. — Ты же сам о браке заговорил...

— Заговорил, вот только о браке с Николасом, а не с Динэном.

— Нет... Подожди... Ты ведь сейчас пошутил?! Скажи, что это шутка!

— Элора, милая, обстоятельства складываются так, что я должен пойти на этот брак. Сегодня вас обвенчают.

— Нет! Я не пойду замуж за этого преступника! Не пойду!

— Элора, прекрати эту истерику! Это не обсуждается. Ситуация складывается не в мою пользу. Либо вы женитесь, либо...

— Либо что?! — с вызовом спросила девушка.

— Либо меня арестуют и, скорее всего, вскоре казнят. К тому же, возможно, что конфискуют все имущество.

— О чем ты? Как такое возможно? За что тебя арестовывать? Ты ведь ничего плохого не сделал.

— Дочь, ты ещё слишком юна и наивна, чтобы понимать что-то в моих делах.

— Вот как?! Я замуж за преступника выходить я не юна? Так что же такого стряслось?

— Видишь ли, то состояние, которое я имею на сегодняшний день, росло и приумножалось не всегда честным путем. Порой, мне приходилось прибегать к крайним мерам.

— Крайнем?

— Да. Увы, не всегда законным.

— Но ведь ты же никого не убивал? — испуганно спросила Элора, глядя на отца.

Альберт не ответил на её вопрос.

— Доченька, тебе придётся выйти за младшего Форстерса. И никто, особенно Динэн, не должен знать об истинных мотивах этого брака.

— Отец, я не смогу! — из последних сил девушка сдерживала слезы.

— У нас нет выбора...

Глава 5

Динэн Форстерс

С самого утра головная боль одолевала меня с такой невообразимой силой, что никакое радостное событие, даже самое удивительное и захватывающее, не могло её заглушить. Если бы не предстоящее сегодня бракосочетание с Элорой — такой чудесной и неповторимой девушкой, то я бы, возможно, и вовсе не вышел из дома, предпочтя остаться в своём уютном пространстве, где тишина и покой затмевали бы все ужасы реальности.

— Ваш фрак, — на пороге комнаты неожиданно появился Райнер, держа в руках вешалку с тщательно подобранной одеждой. — Карета уже у входа, — сообщил он мне размеренным и совершенно уверенным тоном.

Я торопился, прямо стремглав мчался. Не хотелось, чтобы моя будущая супруга, моя дорогая Элора, прибыла первой и ожидала меня. Изящные витражи храма, словно дюжина зорких глаз, внимательно и пристально наблюдали за тем, как я поднимаюсь по мраморным ступеням, богато украшенным шедеврам человеческой мысли. Вот-вот и вся моя жизнь изменится, надеюсь, к лучшему и счастью, которого я так жаждал. Однако, внутри, где-то в глубине души, что-то свербело, не давая покоя. Непонятное тревожное предчувствие, словно мрачная тень, засело в груди жгучем камнем, не позволяя мне вздохнуть свободно.

Если бы я только знал, что ждёт меня внутри...

Распахнув двери храма с их великолепной отделкой, я уже было вознамерился найти служителя, как вдруг увидел у алтаря знакомую фигуру. Видимо, он тоже услышал мои шаги. Резко развернувшись, Николас расплылся в самодовольной улыбке, как будто ждал этого момента целую вечность.

— Дорогой братец, — развел кузен руки в стороны, будто собирался заключить меня в крепкие родственные объятия, которые я никак не желал. — А я уже тебя заждался, словно пекарь свежий хлеб. До меня дошли слухи, что ты сегодня собрался жениться.

— Что ты здесь делаешь?! Живо проваливай! — процедил я сквозь зубы, со всех сил сдерживаясь, чтобы не врезать этому нахалу прямо в храм.

— Ну что ты?! Как же я могу пропустить такое событие? Я просто обязан поздравить любимого братца, — нагло улыбнулся он.

— Мне твои поздравления не нужны! Лучший подарок для меня в такой важный день — не видеть твоей физиономии.

— Как грубо, Динэн, — скривился кузен, как будто моими словами его кто-то ударил. — Но я на тебя не обижаюсь. Тем более, что настроение у меня просто прекрасное, и даже ты, со всеми твоими неприятными истериками, не в силах его испортить. Кстати, раз ты не хочешь принимать поздравления, то тогда поздравь меня, — Николас расправил плечи, будто птица крылья. — Вчера я женился, — огорошил он меня неожиданной новостью, как гроза в ясный день.

— Ты? Женился? — едва ли не рассмеялся ему в лицо, полное удивления. — Это кто ж согласился выйти за тебя?

— Элора Бейтервуд.

От его слов внутри все похолодело, словно зима пришла неожиданно.

— Неуместная шутка, — пробормотал я.

— Какие шутки, Дин? Моя милая избранница с радостью приняла предложение, даже попросила не тянуть со свадьбой. Ну как я мог ей отказать, если она восхитительна? Ну а где же твоя невеста? — явно издевался кузен, его глаза светились дерзкой игривостью. — Неужели передумала?

— Пошёл вон! — прорычал я на весь храм.

Из-за угла показался служитель храма, как будто почувствовал, что атмосфера накаляется.

— Молодые люди, будьте потише. Не забывайте где вы находитесь, уважаемые.

Николас не прекращал улыбаться, как будто радовался чьему-то несчастью.

— Ну что ж, — наигранно вздохнул он. — Прости, но мне пора. Не хочу надолго оставлять одну молодую супругу.

Я ещё долго не мог прийти в себя. Как в тумане я смотрел, как из храма удалялся кузен, оставляя за собой запах своей дерзости. Будто сквозь воду до меня донеслись слова священника:

— Молодой человек, так где же ваша невеста? Пора начинать. Или вы передумали, неужели все пропало?

— Нет... — растерянно пробормотал я, торопливо, с внутренним смятением, обдумывая, что мне делать. — Мы сейчас...

Сам не понял зачем выскочил на улицу, как будто в поисках потерянного утра. Моё внимание привлекла какая-то замухрышка, которая проходила мимо. Ну а что? Жених есть, храм имеется. Дело осталось за малым — найти невесту. И эта вполне сойдет за нее... если, конечно, её хорошенько отмыть и привести в порядок. Но уступать Николасу я не намерен, даже если придётся делать что-то безумное.

— Вы что здесь делаете? — буквально подбежав к замухрышке, схватил её крепко за руку, чтобы она ненароком не убежала со страха.

— Мимо прохожу, — явно растерялась я, но мне было на это плевать.

— Замуж за меня пойдёте, — постановил я.

— Не пойду! — заупиралась незнакомка.

— Уже замужем? — знатно поник от её слов.

— Нет.

— Тогда что нам мешает просто расписаться?

— Например, мы не знакомы.

— Когда это и кому мешало?

— Никуда я не пойду! — с решимостью отрезала она, словно мечом.

— Вы уже пришли. Послушайте, я готов дать вам денег за ваше искреннее согласие, — решил дать ей то, чего явно не хватало этой нищенке.

— Сколько?

Моё предложение попало точно в цель.

— Достаточно, чтобы ваша большая и шумная семья ни в чем не нуждалась.

— Это хорошо, быстренько составим договор, и вы его подпишите магией, — согласилась девушка, немного успокоившись.

Сайфер Орлиз

Как любая девушка, я бы хотела красивую пышную свадьбу, влюбленно смотреть на жениха и томиться в ожидании первой брачной ночи.

Я бы многое, что хотела...

— Договор составляем сейчас же, — заявила я шепотом, пока мы укромно стояли в сторонке, а впереди недоуменно топчется в ожидании толстый священник в роскошной пурпурной рясе.

— Без проблем, — сухо ответил мужчина. Он махнул рукой, и в воздухе появилось самописное перо и свиток. Со вздохом побитого жизнью человека, он процедил: — Я, Динэн Фостерс, беру в жены...

Пауза и многочисленный взгляд. Перо тоже замерло и повернулось ко мне кончиком.

— Сын судьи Фостерса?! — я была ошарашена. — Который осудил собственного племянника? Не-не-не.

Я попятилась к стене.

— У вас какие-то проблемы с законом? — рявкнул Динэн подозрительно, отчего его голос эхом разлетелся по церкви. Священник громко закашлял.

— Да, то есть нет! — вспылила я, то качая головой, то кивая.

— Тогда какое вам дело до моего почившего отца?

— Вы слишком богаты, — выдохнула я. Зачем человеку, который родился с золотой ложкой во рту, простая девица вроде меня?

— И? — мужчина посмотрел на меня взглядом, пропитанным скепсисом.

— А я совсем нет. Как я в ваших кругах смогу вертеться?

— Если молча, то прекрасно. Ну же, называйте имя, не томите, — нетерпеливо воскликнул Динэн, оглядываясь на священника, который уже откровенно смотрел исключительно на нас.

— Сайфер Орлиз.

Перо кивнуло и продолжило тихо скрипеть, красиво выводя моё имя золотыми чернилами по чёрному листу.

— Обязуюсь заботиться, беречь и бла-бла-бла, — мужчина потер переносицу, вспоминая, что ещё нужно говорить в таких случаях. — Обещаю делить все имущество пополам и позаботиться о семье моей супруги.

— Не бить, не унижать, — скромно вставила я. Перо послушно записало.

— А взамен она хранит мне верность, не порочит репутацию... — продолжил Динэн. — Что бы ещё добавить?

— Думаю, что достаточно, — хмыкнула я. Понятно, что мне вряд ли грозит счастливый брак: найти любовь, обеспечивая моё семейство, просто некогда, а по расчету есть по расчету. Тем более сейчас, когда долги множатся с невероятной скоростью, я просто не успеваю их выплачивать.

Да, мне пришлось, несмотря на аллергию, сидеть с хорьками, чтобы оплатить штраф. Я нашла работу мойщицей за один золотой в неделю. Более того, пришлось даже заложить некоторую мебель, однако даже этого не хватило на половину долгов. Катастрофически не хватало...

Свою судьбу я оплачу когда-нибудь позже, как и любовь, которую я никогда не встречу. Хоть я не обещала хранить верность, изменять мужу просто не смогу, это против моей природы.

— Тогда идем. Дайте ладонь, чтобы мы совсем уж дико не выглядели, — сказал Динэн и сам взял мою руку. Свиток испарился.

— Вы не хотите объяснить, зачем вам это? — робко поинтересовалась я, с трудом поспевая за широким мужским шагом.

— Разве это так важно? Мне кажется, договор вполне учитывает ваши интересы.

— И ваши?

— Разумеется.

Мы подошли к священнику. Тот хмурил кустистые брови, глядя на нас.

Рядом возник свиток, священник взял его и быстро пробежал глазами, особенно вчитываясь в самом верху, где были указаны имена.

— Ваше решение добровольно? — не сдерживая скепсис, поинтересовался он у меня. Если ответу отрицательно, мистер Фостерс оплатит огромный штраф. Впрочем, в нашем государстве любят больше всего две вещи: штрафы и налоги.

— Более чем, — ответила искренне. Мне не терпелось раздать долги и дышать полной грудью.

Священник задумчиво кивнул и начал заунывную процессию. Мы терпеливо выстояли почти час, за который нам вещали о добродетели и важности семьи как единицы общества. На этом моменте Динэн невольно хмыкнул.

— Теперь скрепите ваш союз, — на той же меланхоличной ноте сказал священник, сделав вид, что ничего не заметил. Он выглядел как человек, которому до смерти надоело сочетать таких вот «влюбленных».

— Протяни руку, — подсказал мой уже муж.

Я с волнением делаю, что велено.

Мягкое уверенное прикосновение. Ладонь Динэна, гладкая и большая, легла на тыльную сторону моей кисти, мои пальцы переплелись с его, длинными и красивыми. Свиток завихрился, распался на золотые искры, осел на наших ладонях и исчез, оставив на коже обоих по чёрной татуировке браслета на запястьях.

— Что это? — ошарашенно воскликнул священник, глядя на наши руки.

Мы с Дином рефлекторно посмотрели туда же, хотя ничего необычного я не заметила.

— А что не так? — резко спросил он.

Священник протер лоб салфеткой, которую вытащил из кармана трясущимися руками. Его лицо и шея, выглядывающая из-под воротничка, пошли красными пятнами. Он нетерпеливо потряс ладонью, требуя протянуть ему запястья.

Я повиновалась, а Динэн не стал. Предплечье больно сжала влажная старческая рука и резко развернула внутренней стороной наверх.

— Татуировка должна была стать золотой! — совладав с голосом, глухо ответил священник и схватился за голову. — Боги, что я наделал.

— Да что не так, вы можете сказать?! — рявкнул Динэн, растеряв терпение.

— Ваш брак временный, и никто не знает, как долго продержится метка. Чем она бледнее, тем меньше времени осталось. Так иногда бывает на фиктивных отношениях.

— Мы по любви, — не так уверенно заявил Форстерс. Священник скептически хмыкнул.

— Отпускаю вас, дети мои. Пока есть татуировка, вы связаны браком. А так... — он многозначительно замолчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.